

фантастическая
история

МОСКВА, 2012

фантастическая
история

Андрей Колганов

Жернова истории

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К60

Колганов А. И.

К60 Жернова истории: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 411 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1158-0

Нашему герою, можно сказать, повезло. Ну провалился в прошлое. Но ведь не к динозаврам и не на другую планету — в Москву, в 1923 год. И не в какого-нибудь дворника или полового в трактире — в ответственного работника Наркомата внешней торговли. Вроде бы можно сравнительно неплохо устроиться и безбедно жить-поживать на далеко не маленькую зарплату. Но он знает, что впереди «великий перелом», «большой террор» и Великая Отечественная, и изо всех сил пытается стать той песчинкой в жерновах истории, которая способна приостановить их неумолимое вращение. Вот только что сделают жернова с этой песчинкой?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Колганов А. И., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ISBN 978-5-9922-1158-0

Выражаю свою искреннюю благодарность всем участникам форума «В вихре времен» и Самиздата, как оказавшим автору помощь своими советами и замечаниями, так и просто поддерживавшим во мне желание писать

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прочитав в сети и на бумаге немало произведений про всяких попаданцев (главным образом в прошлое) и вселенцев (да в кого угодно), я пришел к убеждению, что всякий уважающий себя автор, даже если попаданец или вселенец у него не сотворением альтернативной истории занимается, а развлекается с эльфами, орками и гномами, обязательно напишет предисловие. И не просто предисловие, а такое, в котором подробно (или кратко) разъяснит, что в его произведении будет (или не будет). Не желая нарушать традиции, представляю на ваш суд свое предисловие. Итак:

В этом романе главный герой не будет набиваться в советники ни к Иосифу Виссарионовичу Сталину, ни к Лаврентию Павловичу Берии и даже не окажется таким советником помимо своей воли и желания. Главный герой не будет расправляться с Хрущевым, изобретать промежуточного патрона, вводить хроноаборигенам (это не ругательство, это просто люди, которые издавна живут в том времени, куда попал главный герой) в культурный оборот песен Высоцкого. Он не будет также советовать поставить на Т-34 командирскую башенку, а двигатель расположить поперек. Усилиями главного героя не будет сказочными темпами перестроена промышленность СССР, чтобы она стала способна уже в самом начале Второй мировой войны производить противотанковые гранатометы, атомные бомбы, шариковые ручки, реактивные самолеты, памперсы и танки Т-54 (нужное подчеркнуть... или ненужное вычеркнуть). Главный герой не окажется крутым спецназовцем (снайпером, диверсантом...) и не станет сокрушать врагов, пользуясь соответствующими навыками, а также не будет обучать тамошний осназ ставить растяжки. А! Вот еще забыл! Главному герою не светит специальное звание в системе НКВД. Ну, вроде все. Можно начинать...

ПРОЛОГ

Сны

Оторвав взгляд от монитора, я скосил глаза на наручные часы. Батюшки, уже скоро полночь! Нет-нет, ну ее на фиг, эту альтернативную историю. Выключить комп — и спать. На Самиздате, да и на Форуме, и без меня доругаются — есть кому...

Хорошее все же местечко — этот Форум. Вылезешь на него с какой-нибудь заумной идейкой насчет развилки истории, и глядь — ее уже препарируют со всех сторон. И «заклепки» меряют, и запятые правят, а иной раз даже по существу начинают разбирать. Шучу, шучу!

Честно говоря, если откинуть ушибленных на всю голову каким-нибудь одним идеологическим косяком (все равно каким), то большинство наездов было в той или иной степени по делу. Стоит признать, что в этих наездах имелся свой плюс. Раззадорившись, берешься за то, чтобы как следует наполнить свою альтернативку цифрами, фактами, документами, биографиями. И некоторые форумчане — спасибо им за это — в ответ помимо претензий выкладывают собственные ссылки на цифры, факты, документы. Таких немного, но именно они больше всего помогают. Во всяком случае, они побуждают как к размышлениям, так и к собственным поискам данных. Тут главное — с данными этими не переборщить.

Ну что это за дело, когда в прошлое устремляется какой-нибудь супермен, владеющий в совершенстве боевыми искусствами да еще под завязку нагруженный научно-технической информацией и всю пользуясь преимуществами послезнания — хоть святого пророка из себя изображай, хоть необычайного гения-провидца. А еще лучше — заслать

в прошлое целую команду. Ясное дело, вся прежняя история летит в сторону, и попаданцы смело кроют из нее альтернативу по собственному вкусу. Хотят — Батья останавливают, хотят — Октябрьскую революцию предотвращают, а уж умельцев по-своему переиграть Великую Отечественную вообще не честь...

Ладно, что-то я из себя старого брюзгу стал изображать (хотя и вправду не молодой — уже далеко за пятьдесят). В пристрастии к попаданцам тоже есть свои немалые основания. Попробуйте-ка обоснуйте крутой перелом хода истории безо всяких попаданцев. Не скажу, что это вообще невозможно. Но какой же неподъемный объем работы надо провернуть, чтобы обосновать возможность исторической развилки, отделить случайные факторы от необходимых, субъективные — от объективных... Они же переплетены так, что армии историков десятилетиями разбираются — разобраться не могут.

Да к тому же попаданцы, собственно, и не ради альтернативной истории как таковой вводятся. Тут присутствует анализ больше психологический, нежели исторический (или «заклепкометрический»). Хотя и без последних, разумеется, не обойтись, но главное в попаданческой теме, как мне видится, — это наблюдение за поведением современного человека в иных исторических обстоятельствах. Как он себя поведет, какой нравственный выбор будет делать в той или иной ситуации, как выстроит отношения с предками, как будет смотреться на их фоне, как смогут совместиться разные моральные и культурные традиции... Интересный опыт.

Нет, положи руку на сердце, в том, чтобы «поиграть в попаданца», есть все-таки и свой интерес. Вот только никогда я не завидовал подобным героям, стоило только представить себя на их месте. Брр! Аж передернуло всего. Не приведи господь, вырвет тебя из своего времени и зашвырнет неведомо куда. Хорошо, что такие засады только в фантастической литературе и встречаются. А наше дело — не фантастика. Наше дело — реальные факты анализировать, данные собирать, сопоставлять, перепроверять.

Вот во время таких поисков я и натолкнулся в сети на любопытные факты, которые косвенно задевали меня само-

го. Но — по порядку. Читаю в Интернете свежую статью под скучным названием «Эволюция кадровой политики большевиков по комплектованию персонала полпредств и торгпредств в 20-е годы» и вижу там упоминание о покушении на одного из сотрудников АРКОСа¹ в Лондоне в 1923 году. Интересные дела! Вроде бы все факты о покушениях того периода на наших заграничных представителей давно уже были обнародованы... А, вот в чем, наверное, дело! Сотрудник не пострадал, благополучно был переправлен в Москву, потому, вероятно, и шума особого вокруг этого эпизода не было. Так, на кого покушались-то? В статье имя почему-то не упомянуто. Но меня так и тянет докопаться...

Начинаю рыться в Интернете с удвоенной энергией. То одну комбинацию ключевых слов для поиска задам, то другую. И вот наконец повезло. В сборнике эмигрантских мемуаров вижу упоминание о проблемах, возникших в Лондоне в связи с тем, что какие-то бывшие офицеры стреляли в июле 1923 года в опознанного ими агента ВЧК Виктора Осецкого.

Ну и ну! Был в нашем роду такой человек — Виктор Валентинович Осецкий, участник социал-демократического движения еще до 1917 года, работавший затем на немалых должностях в системе внешней торговли, в том числе, кажется, и АРКОСом одно время заведовал. Уволили его из Наркомата внешней торговли в 1931 году в связи, как помнится, с процессом «Союзного бюро РСДРП», затем он работал в Нижнем Новгороде (Горьком) завхозом в техникуме и попал в 1936 году под грузовик.

Но никто из родственников про его службу в ВЧК ничего никогда не говорил. Вот муж сестры моей бабушки по матери Михаил Порфирьевич — да, в ВЧК служил, с восемнадцатого по двадцать первый год, и даже Держинского знал лично, и одна из моих бабушек по его протекции машинисткой в ГПУ поступила, а ее сестер он в Москву перетащил, и жили они некоторое время в его квартире на Новинском бульваре... Почему же про службу Виктора Валентиновича в

¹ Эта и другие встречающиеся в тексте аббревиатуры расшифрованы в «Списке встречающихся в тексте сокращений» в конце книги.

ВЧК молчали? Или эмигрант в мемуарах что-то попутал? Могли же в то время любого нашего представителя за рубежом агентом ВЧК обозвать? Могли. Надо проверять.

Начинаю проверять. Родственники, кто хоть что-то мог знать, уже давно в мире ином, у них не спросишь. Остается испытанный способ — пошарить в Интернете. Поисковик выдал мне три сайта с кратенькими биографическими данными на Виктора Валентиновича Осецкого. На двух все честь по чести, как у меня в файле с семейной хроникой значится: 1918 — консул в Гамбурге, 1919—1920 — зам наркома торговли и промышленности, 1920—1921 — торгпред в Эстонии, 1921—1923 — директор АРКОСа... А вот на третьем все то же самое, но имеется и дополнительная строчка: «1920 — сотрудник ВЧК».

Какой сотрудник, чем занимался, откуда вообще эти сведения взялись — этого уже выяснить никак не удалось. Гляжу на обозначение даты и времени в правом нижнем углу монитора — батюшки, так уже давно за час ночи! Нет уж, на фиг, заканчиваю эти разыскания, все равно, похоже, глухо и больше ничего не разузнать.

Почистив зубы, я забрался в постель. Все-все, больше никаких мыслей о развилках, «заклепках», об исторических деятелях и прочем в том же роде. Спать! Завтра с утра — на работу. На носу — конференция к 90-летию НЭПа, а по ней дел невпроворот. Еще и доклад на пленарное не написан. А прямо завтра с утра — научный семинар по проблемам модели периферийного капитализма применительно к России... Все, спать, спать!

...Жарко, однако. И это Туманный Альбион! Но июль зажигает чуть ли не тропической жарой. К вечеру город раскаляется так, что дышать нечем. В костюме, хоть и летнем, из тонкой светлой шерсти, чувствуешь себя как в парилке. Да еще и этот галстук на шее...

(«Какой еще, к черту, Туманный Альбион?! Сплю я, что ли? Ну точно, копался до ночи в Интернете, вот и лезет в сон всякая окрошка из прочитанного».)

От дирекции АРКОСа до своей квартиры топать не так уж далеко. Даже кеб можно не брать (а автобус тут не хо-

дит), пешочком пройдуся. Вот и знакомая улица. В глаза бросается табличка с названием...

(«Стоп! Ведь на этой самой улице в Виктора Валентиновича и стреляли в 1923 году!»)

Безотчетно замедляю шаг и останавливаюсь рядом с каким-то проулком. Всколыхнувшееся чувство опасности заставляет оглядеться по сторонам. Впереди, шагах в тридцати, виднеется мужчина среднего роста, сухощавый, спортивного сложения, в дешевом поношенном костюме строгого черного цвета и в котелке. Короткая стрижка, пышные, пшеничного цвета усы... Его можно принять за англичанина, какого-нибудь клерка, каких тут, недалеко от Сити, довольно много, но что-то неуловимое выдает в нем моего соотечественника.

На другой стороне улицы, на десяток шагов поближе, стоит крепко сбитый коренастый молодой человек без шляпы, что позволяет лицезреть на его голове уже заметные залысины. На нем твидовый пиджак — это в такую-то жару! Ну уж этот совершенно точно не англичанин. Мы встречаемся глазами, и я чувствую, как на спине выступает холодный пот. Инстинктивно делаю приставной шаг в сторону проулка, рука коренастого быстро ныряет за борт пиджака, и тут же следует мой рывок — пытаюсь скрыться за угол дома.

Хлопок выстрела, противный визг рикошета от стены над самым ухом, и в тот же момент мой полуботинок цепляется за выступ плиты на тротуаре, теряю равновесие, ноги заплетаются, и я шлепаюсь на четвереньки. В этот момент опять хлопает выстрел, вновь визг пули над самой головой. Вскрываю, спотыкаюсь, едва не упав еще раз, но все же ухитряюсь резво стартовать, заскочить в проулок и набрать приличную скорость.

(«Надо бежать зигзагом, чтобы сбить прицел!»)

— Не уйдешь, сволочь большевистская! — надсадно завопил кто-то сзади, заставив резко шарахнуться в сторону, и вслед мне гулко ударяют два выстрела подряд. Вновь противный визг пуль над самым ухом. В этот момент появляется новый звук — цоканье копыт по мостовой, ржанье испуганной выстрелами лошади, крик кебмена, натягивающего

вожди в попытке усмирить свою кобылку, — и со мной поравнялся кеб, ехавший навстречу. Мне удастся удачно выскочить на проезжую часть, прикрывшись повозкой от преследователей. Жадно глотая пересохшей глоткой воздух, бегу изо всех сил к следующему перекрестку. Револьверы пока молчат. Рывок в одну сторону, затем в другую — и опять грохочут выстрелы. Мелкие кусочки штукатурки больно бьют в лицо, но я уже свернул за угол. Быстрее, еще быстрее! Там, впереди, оживленная улица. Уже почти достигнув ее, неловко подворачиваю ногу, меня поводит в сторону, падаю, на этот раз весьма неудачно, с размаху чиркаю головой о стену дома...

И тут мне в уши лезет пиликанье электронного будильника. Когда прошли цветные круги перед глазами и рассеялась чернота, обнаруживаю, что лежу дома, в собственной кровати. Ну и приглючится же! Да, опасно уходить в Интернет слишком глубоко. Сую ноги в тапочки — и тут краем глаза замечаю на подушке какие-то темные пятна. Что это? Кровь? Машинально вскидываю руку к голове. Сбоку на ней приличная шишка и ссадина с уже запекшейся кровью. Но... ведь это было во сне! Или я как-то ночью ухитрился приложиться? Оттого, наверное, и привиделась вся эта фантазматическая с покусением.

Бросив наволочку в стирку, я на всякий случай протер ссадину одеколоном («Щиплетса, зараза!») и начал собираться на работу. Странное совпадение происходившего во сне и последствий, обнаружившихся у меня на голове при пробуждении, не давало мне покоя. Однако, в конце концов, такое совпадение могло быть и случайностью. Слегка утешив себя этой мыслью, можно было заниматься делами, не отвлекаясь поминутно на самокопание.

Неделя шла за неделей, и я уже стал забывать о странном сне. Однако загадки и тревоги не пожелали закончиться с первым сновидением.

Просыпаюсь в серых предрассветных сумерках. Света, пробивающегося через большой иллюминатор с бронзовыми барашками запоров, едва хватает, чтобы различить внутренность двухместной каюты. На верхней койке слегка похрапывает во сне сосед.

(Тот «я», который пребывает в декорациях сна, точно знает, что он — Виктор Валентинович Осецкий, и воспринимает каюту как должное. Но «я сам» терзаюсь вопросами: «Что это за корабль? Что делает на нем Осецкий? Ведь этого не было в Интернете! Про события прошлого сна я прочел накануне. А вот о корабле мне ничегошеньки не известно! Откуда же тогда этот сон?»)

Встаю, направляюсь к двери. Мне надо в галльюн, а он в коридоре. И тут слышу негромкий скрежет в дверном замке. Щелчок — и дверь начинает тихонько приоткрываться. Из всех сил рву ручку двери на себя, отступая широким шагом в глубь каюты. В каюту вваливается человек в рабочей матросской робе. Одной рукой он опирается на койку, чтобы не упасть, а в другой тускло блестит сталь ножа.

— На помощь! — ору во всю мочь и бью кулаком своего вооруженного противника. Целюсь в голову, а попадаю в грудь, поскольку тот, оттолкнувшись рукой от койки, выпрямляется и взмахивает ножом. Удар не наносит матросу существенного урона, а лишь отталкивает к дверному проему. Мне же удается подставить под нож руку, но не слишком удачно, и клинок располосовывает рукав рубахи, оставляя длинный порез на предплечье. На рукаве быстро расползается темное пятно.

— На помощь! — вновь ору я.

Мгновение мы смотрим в глаза друг другу. В этот момент, разбуженный криками, мой сосед рывком садится на своей койке и свешивает ноги вниз. В коридоре хлопает дверь. Нападающий медлит, отступает на шаг, скашивает глаза в сторону, а затем кидается прочь.

Про галльюн я уже забыл. Поворачиваюсь обратно и сажусь... На койку? Нет, на полку. За прямоугольным окном, полуприкрытым тяжелыми шторами, неспешно мелькают деревья и слышен дробный перестук вагонных колес. В купе чувствуется легкий запах угольного дыма. Предплечье левой руки у меня перебинтовано. Устраиваюсь поудобнее, кладу голову на подушку... И в забытьи сна врывается привычная трель электронного будильника. Пора просыпаться. Хватит этих экскурсий с покушениями.

Дьявольщина! Что же это такое, в самом деле?! Пододе-

яльник заляпан кровью, а предплечье левой руки рассекает солидный порез, еще немного сочащийся сукровицей. Такие совпадения начинают сильно напрягать. Неужели во сне происходит этот... как его... перенос? Ну, ерунда какая-то! А порез на руке? Если ссадину прошлой ночью еще как-то можно объяснить — скажем, встал в туалет, толком не проснувшись, запнулся в коридоре и приложился головой, — то уж для такого пореза сложно измыслить правдоподобную гипотезу.

Хотя... Ну, скажем, примерно так: переход в виртуальную реальность с полным эффектом присутствия, с таким уровнем психологической достоверности, который даже способен заставить организм воспроизводить происходящее в этой реальности. О как закрутил! Кажется, я даже о чем-то подобном читал. Правда, то была фантастика. А порез — реальный.

ГЛАВА 1

Воскресное утро

Проснувшись в серых предрассветных сумерках, я заворочился, не желая сразу вставать и пытаюсь устроиться поудобнее. И тут у меня шевельнулись — пока еще почти неосознанно — первые сомнения. Матрас подо мной какой-то не такой... Неудобный, комковатый какой-то... Как будто не мой, в общем.

Обычные для просыпающегося человека побуждения: проморгаться в неясном свете начинающегося утра и первым делом бросить взгляд на часы на прикроватной тумбочке. Но моего привычного электронного будильника почему-то на месте не оказалось. Да, и ведь проснулся я не от его электронной трели! Вместо него на тумбочке (что за дела — и тумбочка чужая!) лежали довольно крупные часы, которые впору носить в жилетном кармане. Но продетый сквозь проушины потертый кожаный ремешок намекал на то, что их носят как наручные. Я взял часы в руку. Karl Moser — гласила каллиграфическая надпись на циферблате явно антикварного устройства для измерения времени.

Машинально обратив внимание на время — 7 часов 36 минут, — я благодушно принял всплывшую откуда-то из глубин подсознания мысль: «Хорошо, что сегодня воскресенье и в наркомат идти не надо». Но тут же меня обожгла другая, резкая, тревожная: «Какой, к хренам, наркомат?! Какое воскресенье?! Сегодня среда, и у меня с утра доклад на научном семинаре в университете!»

Ну вот, уже третий раз сон дурацкий привиделся. Даже шутка бородатая по какой-то замысловатой ассоциации вспомнилась: «Сплю я, и снится мне, что я на ученом совете. Просыпаюсь — а я на самом деле на ученом совете!» Да, глав-

ное — не что снится, а проснуться там, где надо. Будем просыпаться! Хватит по прошлому блуждать.

Но, протерев глаза и покрутив головой, чтобы прогнать сон, я на какое-то время вообще потерял способность рожать какие бы то ни было мысли — из меня фонтанировали одни эмоции. Затем эмоции стали разбавляться беспорядочными, но энергичными междометиями.

То, на чем я лежал, было высокой кроватью или, скорее, топчаном без спинок. Подушка не сваливалась, потому что упиралась в стену с вытертой декоративной штукатуркой. Большой будильник в круглом металлическом корпусе громко и размеренно тикал, стоя на подоконнике. На тумбочке у кровати, рядом с мозеровскими часами, стоял граненый стакан, наполовину наполненный водой. Рядом с прикроватной тумбочкой на грубо сколоченной табуретке лежала аккуратно сложенная стопка какой-то одежды. Над окном красовался массивный деревянный резной карниз, но штор не было — их заменяли ситцевые занавески на обычном шпагате, натянутом на гвоздики, вбитые в оконную раму.

Мой взгляд метнулся вверх. Потолки высокие, очень высокие. Под потолком — пыльная люстра на три плафона, у одного из которых отколот приличный кусок, а едва ли не трети хрустальных подвесок не хватает. Над люстрой — лепная розетка, и по краям потолочного пространства тоже идет какая-то лепнина. Ладно, чего мне паяться на потолок. Опустив голову, я увидел у окна круглый стол, у стола — три неплохих венских стула (надо же, название вспомнил!), два из которых явно составляли с этим столом некогда единый гарнитур, а третий пришел откуда-то со стороны, хотя и не очень выбивался из общего стиля.

Набравшись решимости (хотя в голове по-прежнему не было никаких связных мыслей), отбросил теплое лоскутное одеяло — даже слишком теплое из-за того, что адреналин явно стал гулять в моей крови, — и резким движением соскочил с кровати. Блин! Тело как-то не слишком послушно среагировало на импульсы мозга. Ну вроде как чужое. Я, конечно, не шлепнулся на пол, но сохранил равновесие с некоторой неуверенностью в себе. Стой-ка! В прежних снах этого не было. Там я полностью владел своим телом. Огля-

дев самого себя, я едва удержался от того, чтобы употребить, на этот раз вслух, гораздо более крепкие выражения, нежели «блин!». Тело действительно было чужим.

Тело было более молодым, подтянутым, даже сухощавым, но с заметно более слабо развитой мускулатурой. На это тело была натянута какая-то бесформенная рубаша до колен. Краем глаза заметив высокое зеркало с туалетным столиком у стены, противоположной входной двери, я импульсивно кинулся к нему. На меня растерянно, даже испуганно глянул из зеркала темноволосый шатен, почти брюнет, со шегольскими усиками и с аккуратно подстриженной, но пышной, слегка вьющейся шевелюрой...

В сознании появились смутные подозрения, что первые ощущения, посетившие меня при пробуждении, оказались отнюдь не очередным ночным бредом. На этот раз ощущения были гораздо более реалистичными, что ли, нежели в предыдущих снах. Все было до жути осязаемым, вплоть до мельчайших деталей. Не было и эффекта двойного присутствия, когда я одновременно ощущал сон как реальность, в которой я живу, и в то же время смотрел на происходящее как будто бы со стороны. Никакого взгляда «со стороны» теперь не было. Был только один «я» — тот, что стоял перед зеркалом и не верил собственному отражению.

«Да, не сравнить с моими жидковатыми волосиками», — такова была первая мысль, машинально мелькнувшая в моей голове от полной растерянности, и тут же в мозгу выкристаллизовался первый за несколько минут содержательный и ясный до жути, до одури вывод: «Попал... Доигрался...» Почему «доигрался»? Да сам не знаю. Подумалось так.

Минуту, десять или двадцать — ощущение времени совсем потерялось — я пялился в зеркало. Сознание напрочь отказывалось воспринимать реальность произошедшего. «Так не бывает! — истерически вопило оно эту единственную фразу, а затем стало уговаривать себя: — Я сейчас проснусь!» Но кошмар не желал заканчиваться. Если бы сознание могло вопить вслух, то, наверное, мой мысленный вопль и на улице было бы слышно. Однако я все-таки держал себя в руках хотя бы до такой степени, чтобы не орать и не биться в истерике.

В конце концов сознание смирилось с реальностью. Если из кошмара нельзя выскочить, то этот кошмар и есть для тебя реальность, не правда ли? Итак, все-таки попал, как бы нелепо и фантастично это ни звучало. «А вот меньше фантастики надо было читать!» — вдруг мелькнуло у меня в голове нечто совсем уж нелогичное.

Попал. Но в кого и куда? Неужели... Боясь додумать эту мысль до конца, я вновь зашарил глазами по комнате. Взгляд быстро зацепил газету, разложенную на столе. Быстрый шаг к столу, еще один. Газета. Масляные пятна, крошки хлеба. Заголовки. Дата где? Перевернуть! Вот оно: «Правда» за 30 августа 1923 года. Правда, неизвестно, какой давности эта «Правда» (неловко скаламбурило мое сознание), но явно ведь не прошлогодняя. Свежая газета-то. Может быть, даже вчерашняя.

Пальцы безвольно разжались, и газета выпала из рук, опять заняв прежнее место на столе. Абзац! И в самом деле — попал.

Это что же, мне придется теперь жить в коммуналке, на зарплату какого-нибудь совслужащего, без компьютеров и Интернета, без друзей и близких, без привычного отпуска на балтийском побережье?.. Я так не хочу!!!

...Сколько времени меня трясло в настоящей лихорадке — затрудняюсь ответить. Но постепенно остатки воли как-то собрались в кучку, озноб вроде бы прекратился, и меня понемногу стало отпускать.

Безо всякого стыда признаюсь, что в первых моих мыслях совсем ничего не было такого, что касалось бы обладания знанием будущего и вытекающей отсюда способности повлиять на настоящее. Меня вдруг охватила тихая истерика: «Хорошо, — судорожно подхихикивал я мысленно, — что я попал не в 1941 год. А то там от попаданцев было бы не протолкнуться!» Я даже припомнил прочитанную на Форуме одну пародию на эту тему.

С трудом успокоившись (ну хотя бы в какой-то степени), пытаюсь повернуть свои мысли в более конструктивное русло. Так, сначала надо все же определиться — кто я и что я. Для этого надо бы более тщательно исследовать комнату. Вскоре мои поиски привели к результатам — в шифоньере на пле-

чиках обнаружился довольно приличный костюм, в нагрудном кармане коего нашлось удостоверение личности. И что же у нас там?

Плохонькая, но вполне узнаваемая фотография (та, что я видел в Интернете, наверное, с нее и была скопирована). Наверху шапка: «Народный комиссариат внешней торговли». И ниже каллиграфическим писарским почерком: «Заведующий отделом Осецкий Виктор Валентинович». Понятно. Те сны, значит, были в руку... Знать бы еще, каким отделом заведует мое новое тело! И где мой кабинет расположен, да и сам наркомат? Но тут опять из глубины подсознания, как большая ленивая рыбина, едва шевелящая плавниками, медленно всплыло: «Ильинка, 14. Отдел импорта». Ильинка? И память вновь услужливо подсказала, правда, нечто для меня бесполезное: «Это здание бывшего Купеческого банка. Ну, там еще Рабкрин напротив». Ну откуда же, черт побери, я могу знать, где был этот Купеческий банк и где у них тут сейчас обитает Рабочее-крестьянская инспекция?! Однако... Смотри-ка, что-то вспомнил наконец! Да ведь Ильинка же — это где-то между Старой площадью и Гостиным двором!

После обнаружения удостоверения мои мысли еще раз повернули, и повернули в еще более конструктивное русло. Начались они, как водится, с извечного вопроса «Что делать?» (ибо для ответа на вопрос «Кто виноват?» какие-либо данные очевидным образом отсутствовали). Просто жить — адаптироваться в этом времени и тянуть лямку? Нет, я просто не выдержу. Психологически сломаюсь или сорвусь. А что еще я могу? Ведь надо чем-то себя загрузить, найти какое-то дело, которое захватит меня целиком, не даст свихнуться, растравляя себя воспоминаниями об утерянной реальности.

Елки зеленые! А ведь Осецкого — то есть теперь меня любимого — за что-то пытались убить! И не только в Лондоне та парочка, что весьма походила на бывших офицеров, но и некий тип уже на советском корабле. Правда, в реальной истории родственничка моего никто не шлепнул. Никто? А грузовик в 1936 году? Ну, до этого еще тринадцать лет. Что-нибудь придумаем. Так за что шлепнуть-то хотели? Но память Осецкого на сей раз ничего подсказать не могла. Хотя

и желала. Там, в глубине этой памяти, бродили те же самые вопросы, на которые искал ответ я.

И только в этот момент припомнились мне во множестве те исторические альтернативки, которые я обдумывал в своем времени. Все просто: изменить историю — и не будет грузовика в 1936 году! Первая посетившая меня мысль по поводу возможности сыграть в историческую альтернативу была следующей: «И занес же меня черт в обстоятельства, для которых у меня никаких домашних заготовок нет! Так, обрывки общей исторической эрудиции». Вторая мысль была не менее грустной: «И надо же мне было провалиться почти на девяносто лет в прошлое, чтобы понять — главного-то я ни хрена в своих альтернативах не продумал! Основной-то вопрос я так и не проработал: с какой такой радости главные исторические фигуранты станут плясать под дудку нарисованных мною сценариев?»

Впрочем, некий ответ память, хранившая немало текстов про попаданцев, все же подсказала: надо, используя послезнание, заинтриговать решающих персонажей своим умением точно прогнозировать события. Однако для начала надо бы найти способ довести эти свои предсказания до нужных лиц. Ну что же, займусь сперва ревизией собственной памяти: что же я такое помню, чтобы предсказывать здешнее будущее, не залезая в Интернет и не пользуясь компьютером? А потом подумаю — до кого и как эту информацию доносить.

Надо держать себя в руках — несколько раз глубоко и замедленно вздохнуть, успокаивая сердцебиение... Полегчало. И вот в этот момент наконец меня посетила мысль о завтраке. К счастью, память реципиента и тут услужливо проснулась. Поэтому безо всяких сомнений беру с табурета вещи и одеваюсь — теперь на мне светлые летние брюки, голубоватая рубашка в чуть более темную полосочку, парусиновые туфли на босу ногу. Одевшись, не без некоторой неуверенности, но в конце концов безошибочно нахожу дорогу в ванную, чтобы умыться над раковиной холодной водичкой из затейливой формы латунного краника.

Теперь надо зубы как-то почистить. Две деревянные зубные щетки с натуральной щетиной обнаружили тут же, на полочке над раковиной, в обычном граненом стакане. Па-

мять Осецкого даже ненавязчиво подсказала, которая из них — моя. Зубная паста... Так нету тут зубной пасты — не те времена. Вон на полочке стоит металлическая коробочка с откидной крышкой, а в ней, как и ожидалось, обнаруживается зубной порошок. Ну что же, вспомним раннее детство... Рука моя автоматически тянется к зубной щетке, покрытой темным лаком и с почти стершимися тисненными золотом буквами. С посещением прочих удобств проблем и вовсе не возникло — ватерклозет как ватерклозет, с чугунным смывным бачком чуть ли не под потолком и с белой фаянсовой ручкой на металлической цепочке. Правда, вместо привычной туалетной бумаги — газетка. Ну и что, и такое мы тоже в детстве проходили.

А побриться-то как? Память реципиента повела меня обратно в комнату, где на одной из полок в шкафу я обнаружил никелированную чашечку на никелированном же подносике, где лежал помазок. Рядом стоял флакон одеколона «Северный» (сохранивший свое «старорежимное» оформление) и виднелся продолговатый футляр из коричневой кожи, в котором покоилась опасная бритва. Solingen — удостоверялся я при более близком осмотре. «Да, зрение у меня тут вполне на уровне — никакие очки теперь не нужны», — отмечаю мимоходом.

Вернувшись в ванную, взбил в чашечке мыльную пену и не без некоторой робости приступил к бритью. Романы про попаданцев не раз пугали перспективой оказаться в прошлом без привычных бритвенных принадлежностей и описывали муки пользования опасной бритвой. Я относился к этим страшилкам несколько скептически, хотя мой практический опыт применения опасной бритвы уходил к подростковым временам, был однократным, и с тех пор я с подобным инструментом дела не имел. Но страхи и в самом деле оказались преувеличены. Некоторое напряжение, конечно, испытывал, брился с преувеличенной осторожностью — и все-таки пару-тройку раз царапнул кожу, однако почти незаметно.

Смыв остатки мыльной пены, я протер лицо одеколоном и прошел на кухню. На столе у стены уже гудел один из двух примусов, и перед ним хлопотала простоволосая седоватая

старушка в темной юбке до пят и вязаной кофте. «Игнатъевна... — опять всплыло откуда-то из глубины сознания. — Евгения Игнатъевна Вострикова, вдова часовых дел мастера, моя квартирная хозяйка и единственная обитательница этой квартирki, помимо меня. — Через мгновение сознание реципиента снабдило меня и дополнительной информацией: — В годы Гражданской войны ее, как водится, уплотнили, но недавно прежние жильцы съехали, и чтобы опять не подвергаться принудительному уплотнению бог его знает какими еще жильцами, предпочла сдать одну из двух комнат советскому служащему. Мне то есть».

— Доброе утро, Игнатъевна! — бросил я небрежно. Хотя волновался при этом не на шутку — черт его знает, как они на самом деле-то с реципиентом здоровались?

Она обернулась. Сморщенное, но аккуратное, не лишенное следов былой приятности лицо. Серые, еще не поблекшие глаза, жиденькая коса, закрученная узлом на затылке.

— А, проснулся, соколик, — довольно звонким голосом откликнулась она. — У меня тут как раз чаек поспекает.

— Заварка с меня, — неожиданно для себя самого как-то машинальноотреагировал я. Да-а, как вовремя мой, хм, реципиент стал прорезаться.

Присели на кухне, вместе похлебали чайку. Заварку при-таскиваю из своей комнаты, безошибочно цапнув с круглого стола емкость из узорчатого темно-синего стекла с завинчивающейся металлической крышкой, а чайная колбаса и кусок каравая серого хлеба в чистой полотняной тряпице нашлись на кухне в шкафчике под окном. И к тому и к другому меня привела то ли вновь память реципиента, то ли собственная интуиция.

После чаепития явственно ощущалась потребность хотя бы на время освободить голову от нервно теснящихся там беспорядочных мыслей, для чего неплохим средством было бы просто пройтись по улице. Кстати, а что у нас на улице? На улице было хмурое серое небо, но в облаках попадались разрывы, из которых время от времени падали на московские улицы лучи еще довольно теплого (сентябрьского?) солнца. Распахнув окно, я постарался уловить, насколько сегодня

тепло. Да, вроде не холодно, и все же в одной рубашке зябковато будет.

Распахнув дверцы шифоньера, я стал изучать свой гардероб. Смотри-ка, довольно прилично. Ни тебе гимнастеров с галифе, ни тебе френча какого-нибудь — а ведь так сегодня, в 1923 году, ходит немалое число ответственных работников (уж фотографий-то соответствующих я в свое время повидал немало). Висят костюмы — аж целых две штуки. «Английские» — услужливо подсказала память, причем это слово каким-то образом дало мне понять, что они не только в Англии сшиты, но и привезены мною (во сказанул — мною!) из Англии. Кроме них, висит вполне узнаваемый твидовый пиджак, а рядом — пиджачок попроще. И рубашек несколько штук.

А на полочках у нас что? А тут у нас нижние рубашки, трусы, напоминающие семейные, только подлиннее, носки и какая-то сбруя. Переплетение широких резинок, блестящие зажимы... Подтяжки, что ли? Коротковато вообще-то для подтяжек. И тут я не сразу, не мгновенно, но все же сообразил: эта ерунда как раз для носков и предназначена. Ага, подтяжки — застегиваются под коленом, и к ним цепляют носки, которые в это время еще не имеют вшитых эластичных резиновых нитей и потому держатся на подтяжках. Да, и тут я — точнее, мой реципиент — вываливаюсь из общего ряда. Большинство (за исключением всяких «бывших», буржуазных спецов, богемы и т. п.) в сапогах ходит и им хватает портянок. Но для ответработника Наркомвнешторга это как раз нормально — нам по заграницам ездить приходится, потому и одежда соответствующая.

С грехом пополам натянул все, что положено: подтяжки для носков, сами носки, рубашку, костюм... Галстук завязывать не стал — моя собственная память подсказывала, что против галстуков нынче сильное предубеждение как против буржуазного элемента одежды. Ботинки надел — вполне еще крепкие, несильно поношенные ботинки — тоже «оттуда», видать, приехали, хотя — подсказывает реципиент — и здесь теперь можно купить вполне приличные, контрабандные, из Польши (правда, из-под полы и очень дорого). НЭП, понимаешь.

Вот, кстати, о НЭПе. А с дензнаками у меня как? Прой-

дьясь по карманам, обнаружил кошелек и портмоне. В кошельке у меня лежала довольно толстая пачка денег. В глаза бросились прежде всего купюры 1923 года выпуска — от рубля до двухсот пятидесяти рублей (сотенных и двухсотпятидесятирублевых было больше всего). Я аккуратно разложил содержимое кошелька на столе.

Оформление красивое, даже вычурное, но краски немного мрачноваты. А что это тут за текст с обратной стороны в рамке, пышно оформленной всякими виньетками и завитушками? «Один рубль 1923 года равен одному миллиону рублей дензнаками, изъятыми из обращения, или ста рублям дензнаками 1922 года. Прием по сему расчету обязателен для всех». Так, выходит, я — миллионер? Или даже миллиардер! Если считать в дензнаках, изъятых из обращения...

А это у нас что? Тоже 1923 года денежки, но уже по тысяче и по пятьсот рубликов, и даже одна пяти тысячная есть! Оформлены так же, как и их более мелкие собратья, только расцветка немного поярче, и на обороте текст более лаконичный. Меленько так напечатано: «Денежные знаки 1923 года обязательны к приему для всех согласно расчету, установленному в отношении денежных знаков прежних образцов декретом от 24 октября 1922 года».

Теперь в портмоне заглянем, может, и там что найдется? А в портмоне у нас лежат две скучные черно-белые бумажки (и только розетка с надписью «РСФСР» раскрашена чуток повеселее) с надписью «один червонец», одна — «три червонца», и одна — «пять червонцев». Обратная сторона — чистая. Год выпуска — 1922-й. Так-так-так. Это я, значит, попал в разгар денежной реформы. Параллельно ходят совзнак и червонец, и курс обмена одного на другой прыгает, равно как прыгают (точнее, растут) и цены. Жизнь мне предстоит веселая, однако. Тем более, вспомнилось мне (или то опять подсказала память реципиента?), что зарплату нам исчисляли в «золотом рубле», примерно соответствующем одной десятой червонца, а выдают — быстро обесценивающимися совзнаками. В конце августа за червонец где-то две тысячи с гаком совзнаками давали, то есть «червонный рублик» стоил рублей двести с хвостиком. А ведь еще в начале августа червонец шел за тысячу четыреста рублей! Вот и крутись.

А на что крутиться? В смысле, какая у нас нынче с реципиентом зарплата? Зарплата у нас, как тут же всплыло в памяти, неплохая — партмаксимум. Сиречь 175 рублей в месяц (в золотом исчислении, конечно, не в совзнаках — в совзнаках это офигенные тыщи получаются, а если в старых считать, так и вообще миллиарды!). Все заработки свыше этой суммы член партии должен сдавать в партийную кассу, в фонд взаимопомощи для малоимущих партийцев. На партмаксимум особо не разгуляешься, но жить можно, и неплохо жить. Для сравнения: рядовой работник уездного комитета партии получает сейчас 15 рублей, что, разумеется, весьма скудный доход, но ноги с голоду не протянешь: в провинции мясная вырезка стоит 14 копеек за фунт, телятина (не вырезка) — 9—11 копеек, буханка хлеба — копейки (или несколько рублей совзнаками 1923 года). Конфет шоколадных, правда, на такую зарплату не укупишь — 3 рубля 75 копеек за килограмм! Но вот если еще и семью кормить надо, то на троих-четверых-пятерых такую зарплату не растянешь. Это уже с хлеба на квас, и то едва-едва.

В Москве цены заметно выше, раза в полтора-два (конфеты, правда, стоят практически столько же). При этом цены, что не радуется, растут каждую неделю, если не каждый день. Однако лишь в совзнаках — в червонцах цены практически стабильны.

Поэтому червонцы в моем портмоне совсем не лишние. Их курс Наркомфин держит жестко. Эмиссия ограничена 30-процентным обеспечением золотыми, валютными и высоколиквидными товарными резервами. Нарком финансов Сокольников аккурат в августе не погнушался даже на черный рынок инвалюту и золотишко через верных людей выкинуть, продавая их только за червонцы. Так что червонец с таким реальным обеспечением твердо стоит...

Ага! Только сейчас сообразил! Раз мне положен партмаксимум, значит, я что — член партии?

Так и есть. Кроме червонцев в портмоне обнаружилась скромная картонная карточка, озаглавленная «Российская коммунистическая партия (большевиков)». И ниже: «Партийный билет №...». Ого! Тут у нас и год рождения указан. Мне теперь, оказывается, тридцать семь лет, ибо я 1886 года рож-

дения. А в партии состою с 1903 года. Неплохо так. Дооктябрьский стаж — это вам в Советском государстве не хухры-мухры. Это Красин постарался, ибо пребывание в меньшевиках могли и не зачесть и был бы партстаж только с начала 1918-го, когда я из эмиграции возвратился в Питер... А выдан этот билет в 1922 году. Хотя реально я (реципиент, конечно!) его получил буквально на днях, как из Англии вернулся после завершения работы в ARCOS (All-Russian Co-operative Society), — сам ходил за ним в учраспредотдел ЦК, благо от моей работы до них всего два шага.

Впрочем, это был только завершающий этап. Выписал мне этот партбилет еще в прошлом году городской райком, где я состоял на учете, а после его упразднения в том же 1922 году меня перевели на учет в Бауманский райком (ибо, как мне сообщили в нашей партячейке в НКВТ, теперь мы относимся к Бауманскому району). И, естественно, Осецкий по возвращении из Англии отправился поменять свой старый партбилет образца 1920 года именно туда. Но оказалось, что из-за моего длительного отсутствия, когда кампания по обмену партбилетов уже давно прошла, мой билет из райкома сдали сначала в горком, а оттуда — в ЦК, в учраспредотдел. В общем, на беготню по инстанциям ушло в общей сложности два дня...

Хорошо, конечно, что память реципиента кое-что подсказывает. Но все же бог с ними, с этими партучетными деталями, — все это дела прошедшие. А сейчас — на улицу, прогуляться и проветрить мозги, чтобы они из ушей не полезли.

ГЛАВА 2

Прогулка

Выйдя из подъезда, с немалым любопытством поглядываю по сторонам. Места вроде какие-то знакомые. А, вот и номер дома с названием улицы. Ну точно, знакомые места — Малый Левшинский переулок! Вот, значит, где я квартирую. Тут у меня когда-то родственники совсем неподалеку жили, но сейчас, в 1923 году, их тут вроде бы еще нет. Ну, кроме Михаила Порфирьевича Калюжанина, того, что слу-

жил в ВЧК, а теперь работающего, если мне не изменяет память, в Госбанке. И где-то до года, кажись, 1927 или до 1928-го больше никого и не будет. Так что встреча с ними мне пока не грозит.

Из переулка выхожу на Пречистенку и иду к центру. По пути то и дело сворачиваю в переулочки, с интересом убеждаясь, что особняки, которым вскоре предстояло превратиться в резиденции посольств различных держав, стоят себе на месте и еще, видимо, не подозревают об уготованной им участи.

А вот и площадь Пречистенских ворот (которой вскоре суждено стать Кропоткинской). Вместо станции метро в конце бульвара (тоже еще не Гоголевского, а Пречистенского) торчит какой-то небольшой храм с округлым куполом, полузакрытый от обозрения небольшой хибаркой, притулившейся к самому его боку, а с другой стороны площади высится памятник казенного патриотизма и столь же казенного православия — храм Христа Спасителя. Если вспомнить, сколько времени его строили и сколько при этом разворовали собранных народных денег, воздвигнув, в конце концов, это монументально-тяжеловесное чудо...

Имея намерение двигаться дальше, на Волхонку, к Музею изящных искусств, я вдруг передумал и свернул на Остоженку, двинувшись в противоположном направлении, к Провиантским складам. Народу на улицах было немного, автомобилей совсем не было, и лишь изредка проезжали пролетки извозчиков и ломовые телеги, а на бульжной мостовой, где змеились трамвайные рельсы, красовались кучки свежего конского навоза. Воздух был чистый, лишь слегка оттененный ароматом конюшни — ничего общего с выхлопными газами моего времени. Голове стало немного полегче, но сказать, что мысли перестали в ней бродить беспорядочной толпой, было бы большим преувеличением.

«Вспоминай, голова, новую кепку куплю!» — попытался я шуткой развеять свое смятение перед водоворотом событий, в который меня могло затянуть. Но, убей бог, даты и имена никогда не были сильной стороной моих исторических познаний.

Да, я знаю, что в этом году пройдет — или уже прошла? —

дискуссия вокруг «письма 46-ти» и статей Троцкого, позднее изданных брошюрой «Новый курс». В этом же году — но опять-таки когда? — всплыла сначала проблема реализации, а затем проблема «ножниц цен». В этом году сорвалось (было отменено) вооруженное выступление в Германии, и только в Гамбурге были баррикадные бои. В этом году в Болгарии правыми было свергнуто правительство Стамболийского, а потом разгромлено выступление коммунистов. Но когда, когда, когда?..

Хорош же я буду с такими точными прогнозами! Так, стоп, тормозим! Не паниковать! Надо будет завтра же разыскать какую-нибудь подшивку газет за нынешний год, полистать, сориентироваться... Наверняка ведь в библиотеках такую подшивку «Правды» или «Известий ВЦИК» получить можно без проблем. Это ведь не прижизненное издание Пушкина! Да, но хорошо известной мне Ленинки сейчас не существует. Есть, впрочем, ее предтеча — Румянцевская библиотека в Доме Пашкова, но что-то мне подсказывает, что я туда не записан... Во болван! У нас же в наркомате своя библиотечка есть! Не бог весть какая, но уж подшивки советских газет там всяко имеются. Решено: завтра же в наркомате загляну в библиотеку и поработаю с газетами. Это поможет хотя бы отсеять те события, которые уже произошли, от тех, что еще не случились. Может быть, и с кое-какими датами удастся определиться поточнее, вспомнить что-нибудь по ассоциации, ну хотя бы приблизительно.

Хорошо, с этим вроде бы есть некоторая ясность. А вот как донести свои манипуляции с послезнанием до основных фигурантов? Положим, на Леонида Борисовича Красина, как на наркома внешней торговли, у меня есть прямой выход. Да и с реципиентом, с прежним Виктором Осецким, раньше контактил он немало, и отношения у них были довольно доверительные. На Аванесова и Фрумкина, как на заместителей наркома, выход тоже есть. При некотором желании не так сложно будет пересечься на служебной почве с руководством ВСНХ — Рыковым и Пятаковым (ведь они главные заказчики закупок за рубежом!). Кроме них и другие заказчики есть — Наркомвоенмор, Центросоюз, НКПС... Стоп, стоп. Куда-то не туда мысль повело.

Какие у нас еще крупные фигуры есть? С деятелями Наркомфина у меня сложнее — ни с Сокольниковым, ни с кем-либо другим из коллегии этого наркомата никаких прямых контактов пока не было. Хотя... С Наркомфином мой отдел неизбежно пересекается — закупки за рубежом ведь через них финансируются. Что-то придумать, наверное, и тут можно. С послами и торгпредами (черт, никак не вспомню, кто сейчас где и кто где будет в ближайшем времени!) связаться по моей работе — не проблема. Но с основными-то фигурантами я ведь никаким боком...

Троцкий — председатель РВСР. Что ему до какого-то начальника отдела в Наркомвнешторге? Все крайне немногочисленные военные закупки за рубежом идут особым порядком, мимо меня — через уполномоченного Военведа (военного ведомства) при НКВД и Спотэкзак (Специальный отдел экстренных заказов). Во как, уже нынешним языком заговорил! Помогает-таки реципиент, помогает.

Сталин — генсек ЦК. Тоже совсем не моего уровня фигура. Хотя для траты золотого фонда на импорт надо входить в Политбюро, но ведь эти вопросы там не я же ставить буду, а либо Красин самолично, либо заинтересованные главы ведомств.

Зиновьев? Этот руководит Коминтерном и Питерской парторганизацией. Опять мимо. Да, при его тшеславии он может, конечно, снизойти до рядового работника и покровительственно похлопать того по плечу, и даже порадеть в чем-нибудь, но чтобы по серьезному политическому вопросу выслушать и вникнуть? Да ни в жизнь! Даже если это его собственная жизнь... Просто не воспримет.

Бухарин? Ни к редакции «Правды», ни к Исполкому Коминтерна, ни ко всяким издательствам, которые курирует Бухарин, я никакого касательства не имею. Впрочем, говорят, что Николай Иванович очень доброжелателен и довольно открыт личному общению, так что можно, наверное, что-то придумать не слишком сложное.

Дзержинский? ГПУ вело следствие по некоторым делам Наркомвнешторга, задевавшим и меня (дело Шелехеса, например, дело торгпреда в Эстонии Гуковского, да и по делам АРКОСа копалось), но никаких контактов с самим Дзер-

жинским это не предполагало. Найти подход к нему, как к наркому путей сообщения? Возможно, хотя закупки подвижного состава за границей вроде бы уже прекратились... Хотя... Вроде бы в будущем году Феликса Эдмундовича назначат председателем ВСНХ? Ладно, посмотрим.

Так как же достучаться до ключевых фигур? Прямо? Косвенно? Какими ходами? Опять голова идет кругом. Нет, сейчас я ни до чего конструктивного не додумуюсь. Надо сесть спокойно дома и начать по порядку: постановка задачи, оценка реалистичности рассматриваемого варианта альтернативной истории, направления воздействия на реальность — через конкретных лиц, через организации, через информационное пространство. Оценить доступные мне средства воздействия — и с учетом этого скорректировать первоначальную постановку задачи. Ну, хотя бы так.

Пока я разгуливал по улицам, заметно потеплело, облака поредели, и облик старой Москвы действовал умиротворяюще. Я с любопытством разглядывал прохожих. Косоворотки, гимнастерки, галифе, сапоги, обмотки, реже — ботинки, еще реже — туфли. Попадались и костюмы, и свитеры (в основном домашней вязки), кое-кто из прохожих был в шляпе, а один господин — так даже в котелке, но большинство было либо в кепках, либо — заметно реже — вовсе без головных уборов. Дамы и барышни носили косынки и шляпки, причем последних было не так уж мало. Платья и юбки были длиной далеко за колена, но не вовсе до полу...

Вскоре вздернутые нервы и мечущиеся в беспорядке мысли порядком утомили меня, так что чувство голода уже начало заявлять о себе. Да и время, судя по моим мозеровским часам, уже шло к обеду. Поесть я заглянул в трактир на Остоженке, показавшийся мне смутно знакомым, — видно, Осецкий хаживал туда раньше.

Кормили в трактире неплохо, хотя было там, на мой взгляд, малость грязновато. Но борщ был хорош, ничего не скажу. Обед встал мне примерно в три тысячи совзнаками, да еще две сотни я кинул половому «на чай». Пожадничал маленько, но половой все равно, не стирая с лица угодливой улыбочки, произнес: «Премного благодарны-с, рады будем

видеть у нас во всякое время!» — явно намекая, шельма, что вечером тут и поболе советских бумажек можно оставить.

При моих доходах такие траты еще можно себе позволить, но вот, скажем, в «Ампире» на Кузнецком я бы за самый скромный обед меньше чем десятью тысячами не отделался (хотя это всего где-то четыре рубля «золотом»). Да-а-а, даже простой трактир нынче рабочему не по карману. Разве что пивка с сушками или воблой в выходной выпить... Расплачиваясь, я задумался: а серебряные монеты разве еще не в ходу? Или они только в 1924 году появятся? Этот момент тоже надо держать в уме.

Вернувшись домой, аккуратно развесил одежду на плечики в шкаф и завалился на топчан передохнуть. Ну, в общем-то, как подступиться к вопросу «Что делать?», я уже вчерне определился. Однако же без дальнейшей детализации этого вопроса никак нельзя подступиться к решению следующего «вечного» вопроса: «С чего начать?»

Итак, чего же я, собственно, хочу? — Надо дать отчет самому себе. Заколебать Иосифа Виссарионовича своими прогностическими способностями и провидениями, сделаться при нем советником, благодетельно подсказывающим мудрые решения и предостерегающим от ошибок, неудач и нежелательных крайностей? Как же, как же — потерпит товарищ Сталин рядом с собой такого советника! Нет, если бы я предложил ему ввести промежуточный патрон (ну, например, для решения «крайне актуальной» для нынешней РККА задачи — массовой замены трехлинеек автоматом Федорова, переделанным под этот патрон) и расстрелять Хрущева (секретаря партячейки рабфака Донецкого горного техникума)... То Сталин, конечно, послал бы меня куда подальше, но особо ничем плохим это для меня пока не грозило бы. А вот если я, для примера, начну советовать ему сначала не обострять отношений с троцкистами, затем ни в коем случае не наезжать на спецов, потом — не пережимать с форсированием коллективизации и индустриализации, не обижать Бухарина и т. д., то он не только пошлет меня далеко и надолго, но и примет меры, чтобы источник подобных завиральных идей не смог их распространять направо и налево.

Нет-нет, тут надо разыгрывать совсем другую партию. Мо-

жет быть, это должна быть постановка под названием «тайный советник вождя»? Вождя? Может быть, может быть... Но не этого. И не того. Этим вождям я в советники набиваться не буду — для них мне вполне достаточно быть фигурой, обладающей неким тайным знанием (или эксклюзивной информацией, если говорить на языке потерянной для меня эпохи). Мне вряд ли удастся манипулировать, управлять, дергать за ниточки — потому что я реально оцениваю свои способности. В лучшем случае я смогу мягко влиять, смещать акценты, оттенять альтернативы. Но и это будет уже очень много — если вообще получится.

Кроме того, линии реальной истории я ведь радикально не поменяю. Рая земного в СССР в ближайшие двадцать лет никакими моими усилиями не устроить. Больше того, даже всерьез улучшить основы советского строя — малореальная задача. Через объективные условия не перепрыгнешь. Но вот формы этого строя и их дальнейшую эволюцию можно привести в несколько более разумное и человеческое состояние, немного снизить ту цену, которую мы заплатили за рывок вперед. Однако и ради такой альтернативы придется крепко попотеть, и то не факт, что надрываться я буду не напрасно. Но иначе — зачем вообще я здесь? В природный катаклизм как-то не верится...

Еще одно соображение, которое я посчитал весьма важным, заключалось в том, что разыгрывать свою игру, ориентируясь только на нынешний набор политических лидеров, практически бесперспективно. Нужно не только выводить на шахматное поле новые фигуры, но и подправить, насколько удастся, сами правила игры. Не поменять — ибо это задача неподъемная, — но подправить. Вот если удастся хотя бы в такой мере поменять расклад, то и многое другое может измениться. Но начинать-то все равно придется с тех, кто сейчас играет ключевую роль, ибо иначе не удастся сорвать развитие сценария, который меня категорически не устраивает. С кого же начать?

Сейчас таких ключевых фигуры две — Троцкий и Сталин. Бронштейн и Джугашвили.

Сталин... Сталин свои задачи на данный момент решил. Ленин тяжело болен и выбыл из игры, Троцкий политиче-

ски изолирован, а большинство членов Политбюро объединилось со Сталиным против Троцкого. Первоначальный круг доверенных исполнителей у него сложился — Каганович, Молотов, Бажанов... Сталину теперь всякие новые помощники-советчики ни к чему. Тем не менее работать с ним все равно придется, но не прямо, а через других лиц. Так, эту мысль пока отложим — потом ее надо будет продумать более детально.

Другое дело — Троцкий. Он сейчас оттесняется от работы политики, его сторонники недовольны внутривнутрипартийным режимом, который поворачивается против них. Значит, Троцкий?

Троцкий... Троцкий неуживчив, амбициозен, и сейчас, именно потому что он теряет позиции в Политбюро, его амбиции приобретают преувеличенный, болезненный характер, усугубляемый тем, что он ни в коем случае не желает обнаружить этих амбиций (возможно, даже перед самим собой) и старательно демонстрирует отсутствие всякого желания вести борьбу за власть в партии. Тем больше амбиций он будет склонен проявлять как партийный теоретик и идеолог. Да-а, то, к чему мне желательно его подтолкнуть, он встретит в штыки. Тут и сомнений нет. Как же быть?

Я резко оборвал ход своих мыслей, сказав сам себе: «Сейчас, братишка, ты ничего путного не родишь! Выспись, пойдди на работу, пообщайся с людьми, пощупай настроения, понаблюдай за ключевыми фигурами, полистай газеты за этот год — и тогда возвращайся к обдумыванию своих стратегем. А пока — мысли из головы вон, и спать!»

Уже погружаясь в сон, я подумал: «Что-то неладное с тобой творится, Вика! Ведь собирался же ты плюнуть на службу в Британии, послать Красина с его уговорами куда подальше — придумал тоже, работать одновременно и в Лондоне, и в римском торгпредстве. Сам-то он мужик неплохой и тоже не в восторге от всего этого режима, но допустил в ARCOS всяких проходимцев, имеющих высоких покровителей чуть ли не в Кремле, так что их на кривой не объедешь. Раз уж решил ты в июле, после покушения, подавать в отставку с поста директора ARCOS и ехать в торгпредство в Италию, надо было дать заявлению ход. Нет, зачем-то по-

рвал в последний момент, да еще и напросился обратно в Москву, в наркомат, гори оно все синим огнем! Что за муха тебя укусила, Виктор? Стрельбы испугался? От Москвы надо было держаться подальше и остаться на загранработе, как и намеревался. В Италии хоть и фашисты, но кремлевские дразги куда опаснее для здоровья. А тебя словно подменил кто — решил разобраться, из-за чего охота за тобой началась. Любопытство, как известно, кошку сгубило...»

Сон внезапно как рукой сняло, я рывком сел на кровати и замотал головой. Какой еще, к хренам, Вика? Откуда у меня эти мысли? Реципиент проклюнулся? Прежний Виктор Осецкий? Что же выходит? Неужели я сюда еще месяца полтора назад провалился — когда тут еще июль был? Неужто мне не только сны снились, будто я Виктор Осецкий, но я и успел своему реципиенту влезть в мозги и линию жизни крепко свернуть? Но вот окончательно завладел сознанием реципиента «вселенец» — я то есть — только сегодня утром, при пробуждении — так, что ли? Похоже... Впрочем, ведь в моей истории Виктор Осецкий тоже вернулся в Москву. Значит, это все-таки не мое влияние. Он сам колебался, выбирая. Выбрал, а потом стал дергаться... Так, наверное, точнее...

Растревоженный этими мыслями, я заснул не сразу, но все же заснул, потому что нервы были уже измотаны почти до предела.

ГЛАВА 3

Первый день в наркомате

Проснулся я с тревожным ощущением: почему не слышно электронной трели будильника? Лишь через несколько мгновений сообразил: там, куда я попал, электронных будильников нет. Хорошо, пусть не электронный, но почему все-таки не звонит будильник? Протерев глаза и бросив взгляд на тумбочку, обнаруживаю, что будильника там нет, а стоит он себе, как и вчера, на подоконнике, зато громкого тиканья от него уже не доносится. Да, к тому, что будильник аккуратно раз в день заводить надо, еще предстоит заново привыкнуть. Ну ладно, у меня же еще и мозеровские часы есть. Подтягиваю их к себе за ремешок и в довольно ярком

уже свете утра обнаруживаю, что их стрелки остановились на половине третьего. Вот раззява! И эти забыл завести!

Сколько же сейчас времени? Е-мое! Небось проспал! Мне же в наркомат, на работу!

Делать нечего — второпях собираюсь (и на этот раз решил одеться без претензий — пиджачок попроще, рубашка без галстука) и бегу на кухню. Пожевав на ходу хлеба с остатками колбасы и нацедив из бидончика полстакана молока, уже немного отдававшего кислым запахом, но еще приемлемого на вкус, торопливо проглатываю свой скудный завтрак, выскакиваю на улицу и быстрым шагом направляюсь к трамвайной остановке. С некоторым замедлением припомнив номер нужного мне трамвая (34-й), я, после нервного ожидания, его все же дождался, втиснулся на подножку, сунул кондуктору тысячную купюру за шесть трамвайных станций и в сопровождении нередких звонков вагоновожатого пополз с ним к Волхонке и дальше, на Моховую и на Охотный ряд.

Мимо меня проплывала Москва — одновременно знакомая и незнакомая. Зелени в центре было явно больше, чем в мои времена. Вон прямо за Музеем изящных искусств сколько деревьев! А ведь ныне тут плотная застройка... Ныне? Когда это — «ныне»? Ныне тут как раз деревца да кустики. А дома тут тесниться еще только будут — в том времени, из которого я выпал...

Трамвай миновал Боровицкий холм, оставил по правую руку здание Манежа, выполз на Манежную площадь и двинулся вдоль «Националя». Но впереди не было видно знакомых с детства зданий — ни тебе гостиницы «Москва», ни здания Совнаркома (затем Совета Министров, затем Госплана, затем Госдумы). А вот Дом Союзов был на месте. Затем показалась обширная площадь, обрамленная вполне узнаваемыми зданиями — Большой театр, Малый театр, за ним — серая псевдоготическая громада магазина «Мюр и Мерилиз» (нынче именуемого ЦУМ), с противоположной стороны — гостиница «Метрополь». Сама же площадь с обеих сторон была довольно пустынной — знакомые по прошлой жизни скверы с фонтанами отсутствовали.

В трамвае стало чуть посвободнее. Заметив на руке до-

вольно представительно одетого человека примерно моих лет наручные часы («Тоже небось на службу едет», — решил я), спросил у него время, перевел стрелки своих мозеровских часов и завел пружину. Если я и опаздывал, то не слишком — было примерно пять минут десятого. Но все-таки не порядок.

Трамвай покотил дальше, вдоль побеленной Китайгородской стены с башнями, крытыми зеленоватой черепицей, и на Лубянской площади вышел на кольцо. Дальше 34-й маршрут уходил на Мясницкую, и, чтобы добраться до Ильинских ворот, надо было делать пересадку либо преодолеть оставшееся расстояние пешком. Выбрав второй вариант, схожу на Лубянской площади и сворачиваю направо. Лубянская площадь сильно отличалась от привычного мне облика — не было ни монументального здания «Детского мира», ни станции метро, а на месте снесенного в 1991 году памятника Дзержинскому красовалось какое-то сооружение вроде фонтана. Торопливо шагаю вдоль Политехнического музея и, дойдя до угла, как раз напротив Ильинских ворот, перехожу улицу, оставляя за спиной памятник героям Плевны. Проскочив в Ильинские ворота в Китайгородской стене, уже вижу здание, занимаемое Наркомвнешторгом.

«Дурак! — мелькнула у меня мысль, когда я снова глянул на часы, подходя к зданию наркомата. — Надо было извозчика брать — быстрее бы доехал!»

Войдя в вестибюль наркомата, не задумываясь, поднимаюсь по лестнице и направляю стопы к своему кабинету. Память реципиента ведет меня безошибочно, и через несколько минут я распахиваю дверь в приемную, где меня уже дожидается первый посетитель.

Это был сравнительно молодой русоволосый человек с зачесанными назад волосами, в пиджаке из толстой ткани, с желтым портфелем (свиная кожа польской выделки — отметил я мимоходом) на коленях, нервно теребивший в руках светлую кепку.

— Здравствуйте... — нерешительно и с едва заметной нервной дрожью в голосе пробормотал он.

— Добрый день. Проходите! — мотнул я головой в сторону своего кабинета.

СПИСОК ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ТЕКСТЕ СОКРАЩЕНИЙ

АМТОРГ — Amtorg Trading Corporation. Компания была учреждена в 1924 г. в Нью-Йорке как частное акционерное общество с участием советского капитала. Являлась американским представительством Arcos Ltd (см. АРКОС). В Москве действовал советский представитель Амторга — Совамторг. В условиях отсутствия дипломатических отношений с США компания фактически выполняла функции не только торгпредства, но и неофициального политического представительства СССР в США.

АРКОС (ARCOS, с 1922 г. Arcos Ltd — All Russian Cooperative Society Limited) — Всероссийское кооперативное общество, торговая фирма, учрежденная в Англии 11 июня 1920 г. советской делегацией для ведения торговли между Советской республикой и Англией. До установления дипломатических отношений фактически выполняло также функции торгпредства. С 12 мая 1927 г. временно прекратило свою деятельность из-за провокаций полиции и разрыва дипломатических отношений. С 1929 г., после возобновления отношений, действовало до начала Второй мировой войны, но в гораздо меньших масштабах.

ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков). Наименование правящей партии в СССР с декабря 1925 по 1952 г. В дальнейшем — КПСС (Коммунистическая партия Советского Союза).

Военвед (Военное ведомство) — см. Наркомвоенмор.

ВСНХ — Высший совет народного хозяйства. Высший советский хозяйственный орган со статусом наркомата с 1917 по 1932 г. В состав ВСНХ входили отраслевые ве-

домства — Главсахар, Главнефть, Центрочай, Главлесбум, Главтекстиль и др. ВСНХ РСФСР — центральный государственный орган управления промышленностью РСФСР с 1918 по 1932 г. ВСНХ СССР — центральный государственный орган управления промышленностью СССР с 1923 по 1932 г.

ВЦИК РСФСР — Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет. Высший законодательный, исполнительный, распределительный и контролирующий орган власти, избиравшийся Всероссийским съездом Советов для работы в период между съездами. Создан в июне 1917 г. на I Всероссийском съезде Советов. В 1938 г. заменен Верховным Советом РСФСР на основании Конституции РСФСР 1937 г.

ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем, позже в наименовании слово «саботаж» заменено и звучало как: «преступлениями по должности». ВЧК создавалась при Совете Народных Комиссаров и существовала с 20 декабря 1917 г. по 6 февраля 1922 г. Далее преобразована в ГПУ (см.).

Госторг РСФСР — Государственная экспортно-импортная контора Наркомата внешней торговли РСФСР (с 1922 по 1930 г.). В 1928 — 1929 гг. — акционерное общество.

ГПУ (ГПУ РСФСР) — Главное политическое управление при НКВД РСФСР (6 февраля 1922 — 15 ноября 1923 г.). Возникло вместо упраздненной и реорганизованной ВЧК Постановлением ВЦИК от 6 февраля 1922 г. Постановлением ВЦИК от 15 ноября 1923 г. ГПУ НКВД РСФСР преобразовано в Объединенное государственное политическое управление — ОГПУ (см.) при СНК СССР, и таким образом оно было выведено из структуры НКВД.

ГТУ НКВД СССР — Главное таможенное управление НКВД СССР (см.).

ГУВП ВСНХ СССР — Главное управление военной промышленности ВСНХ СССР (см.).

ГЭУ ВСНХ СССР — Главное экономическое управление ВСНХ СССР (см.).

ДВО — Дальневосточная область. Образована 15 ноября

1922 г. на месте упраздненной Дальневосточной Республики с центром в Чите (с 1924 г. — в Хабаровске). В состав области входили Амурская, Забайкальская, Камчатская, Приамурская, Прибайкальская, Приморская (с северной частью о. Сахалин) губернии и полоса отчуждения Китайской Восточной железной дороги (КВЖД). С 1924 по 1925 г. состоит из Амурской, Камчатской, Приморской и Забайкальской губерний. 4 января 1926 г. Постановлением ВЦИК преобразована в Дальневосточный край.

ИНО ОГПУ — Иностранный отдел ОГПУ (см.). Ведал разведывательными операциями за рубежом.

Истпарт — 21 сентября 1920 г. СНК принял постановление «Об учреждении комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории РКП». Комиссия получила сокращенное название Истпарт. Первоначально Истпарт находился при Наркомпросе, а в 1921 г. он перешел в ЦК РКП(б) на правах отдела. В 1928 г. Истпарт был объединен с Институтом Ленина.

КИМ — Коммунистический интернационал молодежи. Организация, объединявшая молодежные коммунистические организации различных стран, в том числе РКСМ (см.). Секция Коминтерна. Существовал с 1919 по 1943 г.

КРО ОГПУ — Контрразведывательный отдел ОГПУ (см.).

Малый Совнарком — см. СНК.

Наркомвоенмор СССР (НКВМ СССР) — Народный комиссариат по военным и морским делам СССР — центральный орган управления, осуществлявший руководство Вооруженными силами СССР с 12 ноября 1923 г. по 15 марта 1934 г. Образован из двух самостоятельных наркоматов (по военным делам РСФСР и по морским делам РСФСР). Упразднен в связи с образованием Народного комиссариата обороны СССР. Сокращение Наркомвоенмор употреблялось также для обозначения главы этого ведомства — народного комиссара по военным и морским делам.

Наркомфин — Народный комиссариат финансов.

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел. Образован наряду с другими наркоматами 8 ноября (н. с.)

1917 г. С 1918 по 1934 г. ведал внутренней администрацией и милицией. Некоторое время ГПУ было структурой НКВД.

НКВВТ СССР — Народный комиссариат внутренней и внешней торговли СССР, образован 18 ноября 1925 г. путем объединения Народного комиссариата внешней торговли СССР с Народным комиссариатом внутренней торговли СССР (существовал до 1930 г.).

НКВТ (Наркомвнешторг) СССР — Наркомат внешней торговли. Создан в 1922 г. путем реорганизации Наркомата внешней торговли РСФСР.

НКВТ (Наркомвнуторг) СССР — Народный комиссариат внутренней торговли СССР, образован 9 мая 1924 г. на базе Народного комиссариата продовольствия СССР.

НКВД — Народный комиссариат иностранных дел (до июля 1918 года именовался Народным комиссариатом по иностранным делам).

НКПС — Народный комиссариат путей сообщения. Ведал железнодорожным сообщением и первоначально назывался Народным комиссариатом по железнодорожным делам. Переименован в НКПС в связи с передачей ему в 1918 г. Управления внутренним водным транспортом. Позже в ведение НКПС входили и все другие пути сообщения и транспорт, вплоть до трамвайного и гужевого.

ОГПУ — Объединенное главное политическое управление. Образовано 15 ноября 1923 г. Постановлением ВЦИК. Общесоюзное ведомство, выполнявшее функции специальной службы СССР, действуя на территории союзных республик через республиканские ГПУ.

ОПЕРОД ОГПУ — Оперативный отдел ОГПУ (*см.*).

Политконтроль СПО ОГПУ — отделение СПО ОГПУ (*см.*), осуществлявшее контроль над перепиской, особенно с границей.

Полпредство — полномочное представительство СССР в зарубежных странах. Аналог посольства.

РВСР (Р.В.С.Р., РВС, Реввоенсовет) — Революционный военный совет Республики (Революционный военный совет). Высший орган руководства вооруженными силами, создан решением ВЦИК 2 сентября 1918 г. С 28 августа 1923 г. —

Реввоенсовет СССР. Ликвидирован 20 июня 1934 г. Председателем РВСР был нарком по военным и морским делам.

Реввоенсовет — см. РВС (РВСР).

РКСМ — Российский коммунистический союз молодежи. Создан 29 октября 1918 г. В 1924 г. РКСМ было присвоено имя В.И. Ленина, и он стал называться: Российский Ленинский коммунистический союз молодежи (РЛКСМ). В марте 1926 г. был переименован во Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодежи (ВЛКСМ).

РКП(б) — Российская коммунистическая партия (большевиков). Наименование правящей партии в РСФСР, затем в СССР с 1918 по декабрь 1925 г.

СНК — Совет народных комиссаров (Совнарком). Так именовалось правительство РСФСР, затем СССР и союзных республик с 1917 по 1936 г. Малый Совнарком — постоянная комиссия при СНК РСФСР в период с 1918 по 1930 г. Комиссия была создана в ноябре 1917 г. для предварительного рассмотрения вопросов в компетенции СНК и для решения мелких финансовых и экономических вопросов. В состав комиссии входили 3–4 наркома или, как правило, их заместители и секретарь.

Совнарком — см. СНК.

СПО ОГПУ — Секретно-политический отдел ОГПУ (см.). Занимался противодействием антисоветской политической деятельности, позже — и противодействием оппозиции внутри правящей партии.

Спотэкзак — Специальный отдел экстренных заказов Народного комиссариата внешней торговли. Обслуживал закупки за рубежом для нужд РККА (см.) и ОГПУ (см.).

СТО — Совет рабочей и крестьянской обороны (с 1920 г. — Совет труда и обороны) — чрезвычайный высший орган РСФСР, затем СССР, действовавший в условиях начавшейся Гражданской войны и военной интервенции. Являлся главным военно-хозяйственным центром Советской республики и управлял деятельностью экономических комиссариатов и всех ведомств в области обороны страны. В 1937 г. был упразднен с передачей функций Экономическому совету при СНК СССР (см.).

Торгпредство — торговое представительство СССР в зарубежных странах.

ТТК — Тарифно-таможенный комитет при СНК (см.).

Центросоюз СССР — руководящий орган кооперативных организаций СССР.

ЧОН — части особого назначения, создававшиеся при заводских партийных ячейках, районных, городских, уездных и губернских комитетах партии на основании постановления ЦК РКП(б) от 17 апреля 1919 г. для оказания помощи органам Советской власти по борьбе с контрреволюцией, несения караульной службы у особо важных объектов и др. Использовались также в качестве пополнения для действующей армии. В подразделения ЧОН активно привлекались комсомольцы, поскольку прием туда, в отличие от армии, был не с 18, а с 16 лет. Ликвидированы к 1925 г.

ЭКОСО — Экономическое совещание. Территориальный орган экономического управления в губерниях, краях и областях СССР с 1923 по 1932 г. Состоял из представителей соответствующих территориальных органов экономических ведомств (ВСНХ, НКПС, Центросоюза и других) и представителей исполнительных комитетов Советов соответствующего уровня.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
<i>Пролог. Сны</i>	6
<i>Глава 1. Воскресное утро</i>	14
<i>Глава 2. Прогулка</i>	25
<i>Глава 3. Первый день в наркомате</i>	33
<i>Глава 4. Да здравствует НОТ!</i>	45
<i>Глава 5. Ожидание</i>	57
<i>Глава 6. Лев</i>	66
<i>Глава 7. Я становлюсь динамовцем</i>	81
<i>Глава 8. Эх, молодежь...</i>	92
<i>Глава 9. Лазарь... и опять Лев</i>	104
<i>Глава 10. Партийная дискуссия набирает обороты</i>	116
<i>Глава 11. «Нового курса» не будет</i>	138
<i>Глава 12. Визит в Коммунистический университет и знакомство с Рязановым</i>	152
<i>Глава 13. Неожиданная встреча в тире «Динамо»</i>	163
<i>Глава 14. То в кино, то в театр...</i>	174
<i>Глава 15. Из Социалистической академии — на Сухаревку</i>	188
<i>Глава 16. Прогулки по Нескучному саду</i>	201
<i>Глава 17. Как я превратился в ремонтника что из этого вышло</i>	218
<i>Глава 18. Дела бульварно-ресторанные</i>	229
<i>Глава 19. Серебряный Бор</i>	243
<i>Глава 20. Автобусы будут... и лекарства, надеюсь, тоже</i>	258
<i>Глава 21. Командировка</i>	274
<i>Глава 22. Летайте аэропланами «Дерулюфта»!</i>	292

<i>Глава 23.</i> Советский командировочный на шопинге	306
<i>Глава 24.</i> Подарки	326
<i>Глава 25.</i> Дела газетные	336
<i>Глава 26.</i> Опять командировка	348
<i>Глава 27.</i> Дальневосточный вояж	366
<i>Глава 28.</i> Неожиданный поворот	386
Список встречающихся в тексте сокращений	404